

Стерва

НИКОГДА
НЕ БЫВАЕТ
ВТОРОЙ

— —
МУНИРА ВАГИНА

18+

Мунира Вагина

Стерва никогда не бывает второй

Серия «Стерва», книга 3

<https://litres.ru/74499312>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моника Поплавская не бывает второй. Никогда. Поэтому, когда мужчина, который только что попросил её номер, уходит с красивой женщиной по имени Ева Кирсанова и их дочерью, Моника готова поставить точку ещё до первого свидания. Но Андрей свободен — разведён три года. Он не любит бывшую жену. И именно это делает всё опаснее.

Очень быстро выясняется: проблема не в постели, не в тайных встречах и даже не в ревности. Ева по-прежнему звонит первой, семейные привычки включаются автоматически, а чувство вины Андрея каждый раз оказывается сильнее новой любви. Моника не собирается воевать за мужчину, который должен её выбирать. Её правило простое: если нужно доказывать, что ты первая, значит, ты уже вторая.

Но что делать, если уйти легче, чем перестать любить? И сможет ли Андрей наконец отделить прошлую семью от

собственной жизни, прежде чем женщина, которой не нужно запасное место, закроет дверь навсегда?

Содержание

Глава 1. Вторая женщина	5
Глава 2. Мужчина с прошлым	27
Глава 3. Моё правило	50
Глава 4. Ева	69
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Мунира Вагина Стерва никогда не бывает второй

Глава 1. Вторая женщина

Моника Поплавская не любила открытия. Не потому, что ей не нравились люди, шампанское или бесплатные закуски. Всё это как раз было вполне терпимо. Она не любила ту часть любого открытия, когда половина гостей делала вид, что пришла ради проекта, а вторая — что не пришла ради полезных знакомств. Моника хотя бы не притворялась. Она пришла ради Александры Велижанской, хорошего шампанского и возможности посмотреть, кто из московских «очень занятых» всё-таки нашёл вечер для нового пространства свадебного агентства.

— Ты уже кого-нибудь мысленно уничтожила? — спросила Линда Крафт, протягивая ей бокал.

— Троих.

— Быстро.

— Я только вошла.

Линда улыбнулась.

— Скучала.

— По мне?

— По твоему характеру.

— Значит, не по мне.

Они чокнулись. Новое пространство Александры было слишком хорошим, чтобы Моника могла это признать без сопротивления. Высокие окна, дерево, спокойный свет, никакой дешёвой свадебной роскоши и ни одного золотого стула, похожего на трон провинциальной императрицы.

— Красиво, — сказала она.

Линда повернулась.

— Что?

— Ничего.

— Ты сказала «красиво».

— Один раз.

— Я запомню дату.

— Не наглей.

Линда рассмеялась и ушла к знакомым. Моника осталась у стола с шампанским. Она была в чёрном платье без украшений. Не потому что считала минимализм признаком хорошего вкуса. Просто всё яркое на ней почему-то выглядело как предупреждение. Она взяла второй бокал.

— Первый уже закончился?

Голос был мужской. Спокойный. Слишком спокойный для человека, который обращается к незнакомой женщине. Моника повернулась. Мужчина стоял рядом, но не настолько близко, чтобы это выглядело намеренным вторжением. Вы-

сокий. Тёмные волосы с ранней сединой у висков. Не тот тип мужчины, который старается казаться моложе. Наоборот — из тех, кому возраст добавляет убедительности. Дорогой костюм без демонстративной марки. Часы, которые стоят столько, сколько приличные люди предпочитают не обсуждать. Взгляд прямой. Не липкий. Не оценивающий. Это уже было интересно.

— А вы считаете? — спросила Моника.

— Пока нет.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Хотел понять, это ваше обычное настроение или шампанское уже помогает.

Она посмотрела на бокал.

— А если обычное?

— Тогда хорошее шампанское можно не тратить.

Моника медленно улыбнулась.

— Вы всегда так знакомитесь?

— Как?

— Сразу рискуете.

— Я ещё ничего рискованного не сказал.

— Значит, вы просто не умеете распознавать опасность.

Он улыбнулся. Немного. Не для неё. Скорее потому, что разговор понравился ему самому.

— Андрей.

— Уже лучше.

— Что именно?

— Что вы не начали с фамилии.

— Должен был?

— Обычно мужчины вашего типа начинают именно так.

Он поднял бровь.

— Моего типа?

— Да.

— И какого?

Моника сделала глоток.

— Того, которому приятно, когда фамилию узнают раньше имени.

— Интересная теория.

— Неправильная?

— Не знаю. Мне пока нравится слушать.

— Осторожно. Это редко заканчивается для мужчин хорошо.

— А для женщин?

— По-разному.

Он протянул руку.

— Андрей Кирсанов.

Фамилия всё-таки появилась. Моника пожала руку.

— Моника Поплавская.

На его лице ничего не изменилось. Она заметила. Это тоже было приятно. Некоторые мужчины, услышав её фамилию, начинали искать в памяти, кто она, откуда, с кем связана, сколько стоит её консультация и что именно она делала в последнем громком кризисе крупного девелопера. Андрей

просто сказал:

— Моника.

— Вас удивляет имя?

— Нет.

— Тогда повторили зачем?

— Проверяю, подходит ли.

— И?

— Пока да.

Она засмеялась.

— Наглый.

— Иногда.

— Это должно быть обаятельно?

— Нет.

— Хороший ответ.

Он взял бокал воды. Не шампанского. Моника посмотрела.

— За рулём?

— Нет.

— Не пьёте?

— Пью.

— Тогда почему вода?

— Хочу помнить, что говорил.

Она наклонила голову.

— Очень самоуверенно.

— Почему?

— Вы уже предполагаете, что сегодняшний разговор сто-

ит запоминать.

— А вы нет?

Слишком быстро. Моника посмотрела внимательнее.

— Я ещё решаю.

— Вы всегда так смотрите на мужчин?

— Как?

— Будто уже решили, стоит ли тратить на них вечер.

Она усмехнулась.

— Нет. Иногда я решаю быстрее.

Андрей рассмеялся. Не громко. По-настоящему. Моника почувствовала ту самую неприятную вещь, которую всегда замечала слишком рано: интерес. Не любопытство. Не желание проверить, насколько мужчина выдержит её характер. Интерес. Это было хуже.

— И каков предварительный вердикт? — спросил он.

— Вы задаёте слишком много вопросов.

— Профессиональная деформация.

— Какая профессия?

— Медицина.

— Врач?

— Нет.

— Тогда хуже.

— Почему?

— Врачи хотя бы спасают людей лично. Владельцы клиник обычно спасают отчётность.

Он посмотрел.

— Уже выяснили, чем я занимаюсь?

— Нет. Угадала.

— Почему клиники?

— Манеры.

— У владельцев клиник особые манеры?

— Да.

— Какие?

— Они говорят с людьми так, будто диагноз уже известен.

Андрей усмехнулся.

— А вы?

— Что я?

— Говорите как человек, который уверен, что диагноз ставит сам.

— Я кризисный PR.

— Теперь понятно.

— Что именно?

— Почему вы сначала разрушаете человека, потом спрашиваете имя.

— Экономия времени.

— И много клиентов после этого остаётся?

— Те, кому действительно нужна помощь.

— Жестоко.

— Эффективно.

— Опасное сочетание.

— Для кого?

— Пока не понял.

Моника хотела ответить, но рядом появился официант.

— Шампанское?

Андрей посмотрел на неё.

— Теперь можно.

Моника подняла бровь.

— Что изменилось?

— Появилась причина запомнить вечер.

— Очень отрепетировано.

— Нет.

— Тогда хуже.

Официант налил ему. Андрей поднял бокал.

— За диагноз.

— Какой?

— Пока наблюдаем.

Она чокнулась.

— Смело.

Разговор мог закончиться. Обычно в этот момент мужчина спрашивал номер. Или предлагал выйти на воздух. Или начинал рассказывать, что давно хотел познакомиться с «женщиной такого типа». Андрей не сделал ничего. Просто спросил:

— Вы знакомы с Александрой давно?

Моника чуть разочаровалась. И тут же разозлилась на себя за это.

— Достаточно.

— Хорошее пространство.

— Я ей уже сказала.

— И она пережила?

— С трудом.

— У вас сложные отношения с похвалой?

— Нет. С лишней.

— А с заслуженной?

— Тоже надо дозировать.

— Почему?

— Люди расслабляются.

— Вы всех держите в тонусе?

— Только тех, кто остаётся рядом.

Андрей посмотрел. Пауза получилась длиннее, чем нужно.

— Значит, это привилегия?

— Или наказание.

— Вы сами не решили?

— Обычно люди решают за меня.

— Удобно.

— Очень.

Он снова улыбнулся. К ним подошла Александра.

— Я смотрю, вы уже познакомились.

Моника повернулась.

— Ты привела сюда опасных людей.

— Ты про себя?

— Про него.

Александра посмотрела на Андрея.

— Андрей Кирсанов. Один из немногих мужчин, который не попросил меня организовать свадьбу через десять минут после знакомства.

— Пока, — сказал Андрей.

Моника резко повернулась. Он спокойно пил шампанское. Александра засмеялась.

— Всё, я ухожу. Дальше сами.

— Очень полезное представление, — сказала Моника.

— Я старалась.

Александра исчезла в толпе. Моника посмотрела на Андрея.

— Это была шутка?

— Что именно?

— Про свадьбу.

— А вы испугались?

— Я?

— Да.

— Мужчина, которого я знаю семь минут, не может испугать меня свадьбой.

— А восемь?

— Уже опаснее.

Он посмотрел на часы.

— Тогда надо ускоряться.

Моника засмеялась. Вокруг стало шумнее. Музыка усилилась. Кто-то начал официальную часть, но большинство продолжало разговаривать. Моника заметила, что не слышит

половину происходящего. Андрей отвлекал. Это раздражало.

— Вы часто здесь бываете? — спросила она.

— На свадебных открытиях?

— На мероприятиях, где люди делают вид, что им интересна презентация.

— Реже, чем должен.

— Почему пришли?

— Александра пригласила.

— Очень глубокий ответ.

— Хотите настоящий?

— Нет.

— Тогда зачем спросили?

Она посмотрела.

— Проверяла.

— Что?

— Соврёте ли.

— И?

— Пока экономите.

— Разумно.

— Вот это слово я не люблю.

— Почему?

— Люди часто называют разумным то, на что просто не хватает смелости.

Андрей стал серьезнее.

— А вы любите смелость?

— Не всегда.

— Тогда что?

— Я люблю ясность.

— Даже если неприятная?

— Особенно.

Он посмотрел на неё несколько секунд.

— Опасное требование.

— Для человека, который привык скрывать?

— Для любого.

— Значит, вам тоже есть что скрывать.

— Конечно.

— Наконец-то честность.

— Вы думаете, у вас нет?

Моника улыбнулась.

— Есть.

— Тогда мы квиты.

— Нет. Я свои секреты люблю.

— А чужие?

— Они оплачивают мою ипотеку.

Андрей рассмеялся.

— Теперь я точно понял, почему вы в PR.

— Поздно.

— Для чего?

— Чтобы уйти.

Она поставила бокал. Он не остановил. И это снова было интересно.

— Уже?

— А вы рассчитывали на вечер?

— Я рассчитывал на разговор.

— Он был.

— Короткий.

— Для знакомства достаточно.

— А для продолжения?

Моника задержала взгляд. Вот теперь.

— Это вы спрашиваете номер?

— Пока нет.

— А что?

— Узнаю, есть ли смысл спрашивать.

— Так неинтересно.

— Почему?

— Мужчина должен рисковать.

— Вы только что сказали, что любите ясность.

— Одно другому не мешает.

Он кивнул.

— Хорошо. Тогда номер.

Моника не удержалась от улыбки.

— Нет.

— Почему?

— Вы слишком уверенно попросили.

— Мне надо было волноваться?

— Желательно.

— Могу повторить.

— Уже поздно.

Она сделала шаг.

— До свидания, Андрей Кирсанов.

— До свидания, Моника Поплавская.

Ни раздражения. Ни попытки остановить. Ни «я всё равно найду». Моника отошла на несколько метров и сразу почувствовала раздражение. Потому что ждала, что он скажет ещё что-нибудь. Ненавистно. Она подошла к Линде.

— Кто он?

Линда даже не повернулась.

— Уже заинтересовалась?

— Нет.

— Конечно.

— Линда.

Та посмотрела.

— Андрей Кирсанов. Частная медицина. Сеть клиник. Деньги, репутация, отсутствие публичных скандалов.

— Это подозрительно.

— Очень.

— Женат?

Линда задержала взгляд.

— Не знаю.

— Значит, женат.

— Почему?

— Потому что иначе ты бы сказала «нет».

Линда усмехнулась.

— Проверю.

— Не надо.

— Ты уже спросила.

— Из профессионального интереса.

— Разумеется.

Моника взяла новый бокал.

— И вообще он мне не нравится.

— Что именно?

— Спокойный.

— Ужас.

— Самоуверенный.

— Катастрофа.

— Не пытается понравиться.

— Вызывай полицию.

Моника посмотрела внимательнее.

— Ты закончила?

— Нет. Красивый.

— Это вообще не плюс.

— Для тебя — особенно.

— Линда.

— Всё.

Они замолчали. Моника попыталась включиться в разговор рядом. Кто-то обсуждал новый закон о рекламе, кто-то — очередной скандал известной певицы, которую поймали на измене. Обычно такие темы её развлекали. Сегодня нет. Она снова нашла Андрея глазами. Он разговаривал с муж-

чиной у окна. Не смотрел на неё. Именно это раздражало сильнее всего. Моника повернулась спиной.

— Не делай так, — сказала Линда.

— Как?

— Будто тебе всё равно.

— Мне всё равно.

— Тогда зачем ты в третий раз проверяешь, где он?

— Я изучаю пространство.

— Конечно.

Моника собиралась ответить, но музыка стихла. Александра вышла к микрофону. Короткая речь. Про новое пространство. Про работу. Про право передумать. Моника слушала вполуха. Она давно знала: лучшие фразы рождаются у женщин после того, как мужчины ломают им планы. Аплодисменты. Музыка вернулась. Люди двинулись к столам. Моника увидела, как Андрей закончил разговор и идёт в её сторону. Сердце отреагировало. Она мысленно обозвала себя идиоткой.

— Вы ещё здесь, — сказал он.

— Разочарованы?

— Наоборот.

— И что теперь?

— Теперь я волнуюсь.

На лице Моники появилась улыбка.

— Уже поздно.

— Вы говорили, что можно повторить.

— Я говорила много чего.

— Номер.

— Нет.

— Уже лучше?

— Немного.

— Почему всё ещё нет?

— Потому что слишком легко.

— Вам нужно усложнить?

— Мне нужно понять, зачем.

Андрей на секунду задумался.

— Потому что вы мне понравились.

Просто. Без украшений. Моника неожиданно не нашла мгновенного ответа. Это её разозлило.

— И это всё?

— Должно быть больше?

— Обычно мужчины объясняют подробнее.

— Я не хочу.

— Почему?

— Начну придумывать.

Снова ясность. Неприятно привлекательная.

— Хорошо, — сказала Моника.

— Это да?

— Это «хорошо».

— Понятно.

— Ничего вам не понятно.

— Уже понял.

Он достал телефон. Положил на стол между ними. Не протянул.

— Если захотите.

Моника на секунду всмотрелась. На экране был открыт набор нового контакта. Пустое поле. Он не давил. Не ждал демонстративно. Просто оставил телефон. Она взяла. Вбила номер. Без фамилии. Только «Моника». Вернула.

— Теперь довольны?

— Пока нет.

— Наглый.

— Вы уже говорили.

— Значит, правда.

Он убрал телефон.

— Я напишу завтра.

— Почему не сегодня?

— Вы проверяете?

— Возможно.

— Потому что сегодня мы уже разговаривали.

— И?

— Не хочу превращать хороший вечер в слишком длинный.

Моника задержала взгляд.

— У вас всегда всё дозировано?

— Нет.

— Что нет?

— Не всё.

Опять слишком точная. Моника решила, что пора уходить первой. И тут из толпы появилась женщина. Моника увидела её раньше, чем Андрей. Высокая. Очень красивая. Не молодая в том смысле, который принято использовать как комплимент. Просто взрослая женщина, которой не нужно было доказывать, что она всё ещё заметна. Светлые волосы собраны низко. Серое платье. Без ярких украшений. Она шла прямо к Андрею. Не торопилась. Не оглядывалась. Не искала разрешения приблизиться. Это было хуже любых объятий. Она знала, что имеет право подойти.

— Андрей.

Он повернулся. Лицо изменилось. Совсем немного. Но Моника заметила.

— Ева.

Женщина посмотрела на Монику. Спокойно. Не оценивающе. Это тоже раздражало.

— Добрый вечер.

— Добрый.

Андрей сказал:

— Моника Поплавская. Ева Кирсанова.

Фамилия ударила быстрее смысла. Кирсанова. Моника посмотрела на Андрея. Потом на Еву. Ева едва заметно улыбнулась.

— Очень приятно.

— Взаимно.

Ложь прозвучала красиво. Ева повернулась к Андрею.

— Нам пора.

Не «мне». Не «тебе». Нам. Андрей посмотрел на часы.

— Уже?

— Соня ждёт.

Ещё одно имя. Моника не спросила. Не здесь. Не сейчас.

— Да, — сказал Андрей. — Пойдём.

Он посмотрел на Монику.

— Я напишу завтра.

Моника едва заметно улыбнулась.

— Если вспомните.

Ева перевела взгляд с неё на Андрея. Что-то поняла. Конечно. Женщины всегда понимают раньше мужчин.

— До свидания, Моника, — сказала Ева.

— До свидания.

Они ушли вместе. Без прикосновений. Без интимности. Без очевидной близости. Именно поэтому выглядели как люди, которые слишком давно знают друг друга. Моника смотрела им вслед. Подошла Линда.

— Нашла.

— Уже не надо.

— Бывшая жена.

Моника взяла бокал.

— Я догадалась.

— Разведены три года.

— Прекрасно.

— Общая дочь.

— Соня.

Линда посмотрела.

— Уже знаешь?

— Только что.

— И?

Моника выпила.

— Ничего.

— Моника.

— Что?

— Он тебе понравился.

— Возможно.

— А она?

Моника снова посмотрела на дверь, за которой исчезли Андрей и Ева.

— Она мне пока ничего не сделала.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Линда ждала. Моника вздохнула.

— Жена?

— Бывшая.

Она усмехнулась.

— Иногда это хуже.

Линда рассмеялась. Моника — нет. Телефон в руке завибрировал. Не сообщение. Новый контакт. Андрей Кирсанов. Она смотрела на экран. Потом заблокировала. Завтра. Пусть пишет завтра. Если напишет. Она допила шампанское.

В этот момент Моника ещё не знала, что проблема будет совсем не в том, любит ли Андрей свою бывшую жену. С этой частью всё окажется проще. Гораздо опаснее будет другое. Он давно развёлся с Евой. Но так и не перестал быть её мужем там, где это было важнее всего.

Глава 2. Мужчина с прошлым

Андрей написал в одиннадцать сорок семь. Не утром. Не слишком поздно. Ровно в то время, когда сообщение уже нельзя было принять за импульс после вчерашнего вечера и ещё можно было назвать продолжением знакомства. Моника посмотрела на экран. «Доброе утро. Это Андрей Кирсанов. Вчера я обещал написать». Она усмехнулась. Ни смайлика. Ни шутки. Ни попытки сразу перейти к флирту. Будто подтверждал деловую встречу. Моника положила телефон на стол. Не ответила. Через минуту пришло второе сообщение. «Теперь формальная часть выполнена. Можно пригласить вас на ужин?»

Уже лучше. Моника медленно допила кофе. Перед ней сидела женщина, чью репутацию они спасали третий месяц после очень неудачного романа с женатым политиком. Женщина плакала красиво. Это тоже был талант.

— Он обещал развестись, — сказала клиентка.

Моника посмотрела на телефон. Потом на неё.

— Они всегда обещают.

— Но он говорил серьёзно.

— Они и серьёзно обещают.

— Вы вообще верите мужчинам?

Моника убрала телефон экраном вниз.

— По договору — да.

Клиентка не поняла. Лера бы поняла. Но Леры здесь не было. Моника работала одна. Почти всегда. Ей нравилось, что никто не слышит, как она разговаривает с клиентами. Потому что иногда кризисный PR был похож не на коммуникацию, а на хирургическую операцию без наркоза.

— Нам надо решить, что вы будете говорить журналистам,
— сказала она.

— Правду?

— Нет.

Женщина удивилась.

— Почему?

— Потому что правда у вас сейчас эмоциональная. Через неделю она изменится.

— Но я его любила.

— Это можно оставить.

— А остальное?

— Остальное сформулируем.

Женщина смотрела.

— Вы очень холодная.

Моника не удержалась от улыбки.

— Поэтому вы здесь.

Встреча закончилась через сорок минут. Как только дверь закрылась, Моника снова посмотрела на сообщение Андрея. Ужин. Она уже знала, что ответит. И всё равно тянула. Не потому что хотела поиграть. Она ненавидела игры, где нужно выдерживать правильную паузу между сообщениями. Про-

сто вчера рядом с ним появилась Ева. Бывшая жена. Общая дочь. Фамилия. История. Всё то, что обычно делает нового мужчину слишком сложным ещё до первого свидания. Моника написала: «Нет». Отправила. Телефон сразу показал «прочитано». Ответ пришёл через минуту. «Слишком быстро?»

Она улыбнулась. «Слишком семейно». Потом: «Справедливо». Моника нахмурилась. И это всё? Она ждала объяснения. Он не дал. Через пять минут телефон снова завибрировал. «Тогда кофе. Сорок минут. В людном месте. Без семейного кастинга». Она рассмеялась. Вот теперь. «Тридцать». «Договорились». «Я ещё не согласилась». «Тогда жду». Моника посмотрела на экран. Наглый. Спокойный. И достаточно умный, чтобы не доказывать ничего там, где она ещё даже не задала вопрос. Она написала: «В четыре. “Моро” на Остоженке». Ответ: «Буду». Ни одного лишнего слова. В четыре он уже был там. Конечно. Моника вошла в кафе на три минуты позже и сразу увидела его у окна. Без костюма. Тёмный свитер. Серое пальто на спинке стула.

С телефоном в руке, но не погружённый в экран. Он поднялся.

- Здравствуйте.
- Мы уже знакомы.
- Проверяю формат.
- Плохой.
- Садитесь.

Она сняла пальто.

— Вы всегда приходите раньше?

— Почти.

— Ненавижу людей, которые заставляют меня чувствовать, что я опоздала.

— Вы опоздали на три минуты.

— Вот видите.

Он едва заметно улыбнулся. Официант подошёл сразу.

— Кофе? — спросил Андрей.

— Чёрный.

— Без сахара?

Моника посмотрела.

— Откуда?

— Вчера вы пили без сахара.

Она замолчала на секунду.

— Наблюдательный.

— Профессия.

— Вы не врач.

— Но люди вокруг меня постоянно что-то скрывают.

— И вы диагностируете?

— Иногда.

— Тогда рискованно.

— Почему?

— Я не пациент.

— Я заметил.

Официант ушёл. Моника положила телефон на стол.

— У нас тридцать минут.

— Уже двадцать восемь.

— Не надо отсчитывать.

— Вы сами поставили лимит.

— Я могу передумать.

— Это я тоже вчера понял.

Она прищурилась.

— Что именно?

— Что вы любите оставлять себе право передумать.

Моника усмехнулась.

— А вы любите анализировать людей после семи минут разговора.

— Уже больше.

— Не улучшает ситуацию.

Кофе принесли быстро. Андрей не заказал ничего. Только воду. Моника заметила.

— Опять вода.

— После кофе.

— Значит, кофе будет.

— Если вы останетесь.

— Самоуверенно.

— Практично.

Она сделала глоток.

— Хорошо.

На его лице мелькнула улыбка.

— Вы специально?

— Что?

— Используете это слово.

— Возможно.

— Александра тоже его не любит?

— При чём тут Александра?

— Вчера вы оба реагировали одинаково.

Моника рассмеялась.

— Вы слишком много замечаете.

— Иногда мешает.

— Верю.

Вот теперь разговор дошёл до места, ради которого она пришла. Моника поставила чашку.

— Ева.

Андрей не отвёл взгляд.

— Что именно?

— Очень хороший ответ.

— Вопросы пока не было.

— Вы женаты?

— Нет.

— Разведены?

— Три года.

— Живёте вместе?

— Нет.

— Спите вместе?

Он поднял бровь.

— Быстро.

— У нас двадцать четыре минуты.

— Нет.

— Давно?

— Давно.

— Определение.

— До развода.

Моника кивнула.

— Общая дочь.

— Соня. Пятнадцать.

— Живёт с кем?

— С Евой. Но половину времени у меня.

— «Половину» звучит почти официально.

— Мы стараемся.

— Получается?

Андрей задумался.

— Не всегда.

Первый честный ответ без гладкой упаковки. Моника почувствовала интерес сильнее.

— Почему вчера вы ушли вместе?

— Соня была у подруги. Надо было забрать.

— Вы оба?

— Да.

— Зачем?

— Потому что Ева попросила.

— И вы согласились.

— Да.

— Почему?

— Потому что это была наша дочь.

Моника на секунду всмотрелась.

— Вы всегда отвечаете так, чтобы невозможно было придраться?

— Нет.

— Пока успешно.

— Вам хочется?

— Очень.

Он рассмеялся.

— Тогда продолжайте.

Моника наклонилась.

— Ева хочет вас вернуть?

Очень короткая. Но была.

— Не знаю.

— Врёте.

— Нет.

— Тогда почему думаете?

— Потому что не уверен, что она сама знает.

— Красиво.

— Неприятно?

— Честно.

— Вы это цените.

— Пока.

— А я?

— Что вы?

— Хочу её вернуть?

Он ответил сразу.

— Нет.

Моника смотрела.

— Даже не подумали.

— Потому что знаю.

— И почему развелись?

Вот тут Андрей замолчал. Дольше. В первый раз. Моника не торопила.

— Это уже больше тридцати минут, — сказал он.

Она посмотрела на часы. Тридцать четыре.

— Значит, кофе плохой.

— Или разговор нормальный.

— Не обольщайтесь.

— Даже не думал.

Она улыбнулась.

— Так почему?

Андрей провёл пальцем по краю стакана воды.

— Потому что мы перестали быть мужем и женой раньше, чем подписали бумаги.

— Универсальный ответ.

— Я знаю.

— Настоящий?

— Не сегодня.

Моника подняла бровь.

— Боятся?

— Нет.

— Тогда?

— Не хочу превращать первый кофе в исповедь о бывшей жене.

Она откинулась.

— Разумно.

Он посмотрел.

— Вы сказали.

— Не привыкайте.

Официант снова подошёл.

— Ещё кофе?

Андрей посмотрел на Монику. Не спросил. Ждал. Она сказала:

— Да.

Сорок минут закончились. И никто не ушёл. Второй кофе перешёл в разговор о работе. Андрей управлял сетью частных медицинских центров. Не врач. По образованию — экономист. Начал с одного диагностического центра, который когда-то открыл вместе с партнёром. Теперь клиник было двенадцать.

— Скучно, — сказала Моника.

— Что?

— Очень хорошая биография.

— Хотите скандал?

— Для интереса.

— Был.

— Какой?

— Один партнёр украл деньги.

— И?

— Я его выгнал.

— Всё?

— Судился четыре года.

— Уже лучше.

— Рад, что соответствую.

Она улыбнулась.

— Вы всегда такой спокойный?

— Нет.

— Когда нет?

— Когда вопрос касается дочери.

— И Евы?

Он посмотрел.

— Иногда.

Честно. Моника отметила. Не понравилось. Но понравилась честность.

— А вы? — спросил Андрей.

— Что я?

— Когда перестаёте быть спокойной?

— Я всегда спокойна.

— Врёте.

— Первый раз за встречу.

— Уже прогресс.

Она усмехнулась.

— Когда человек рядом начинает считать, что знает, как мне лучше.

— Часто?

— Достаточно.

— И что делаете?

— Ухожу.

— Всегда?

Моника задумалась.

— Почти.

— «Почти» интереснее.

— Не для вас.

— Пока.

Она посмотрела.

— Вы очень уверенно вставляете «пока».

— Оно честнее, чем «никогда».

Снова хорошая фраза. Моника раздражённо отпила кофе.

— Вы репетируете?

— Что?

— Ответы.

— Нет.

— Тогда хуже.

— Почему?

— Придётся признать, что вы иногда действительно говорите хорошо.

— Это будет тяжело?

— Переживу.

Разговор длился почти два часа. Она поняла это только тогда, когда за окном начало темнеть. Телефон лежал рядом. Три рабочих сообщения. Два пропущенных. Она не проверяла. Редкость. Андрей не торопил. Не задавал личных вопросов ради эффекта. Не пытался представить себя лучше. И именно это постепенно расслабляло. Что тоже было опасно.

— Вы говорили сорок минут, — сказал он.

— Тридцать.

— Тем более.

— Это вы затянули.

— Могу оплатить переработку.

— Очень дорого.

— Я не спрашивал цену.

Моника задержала взгляд.

— Опасная фраза.

— Почему?

— Потому что я могу назвать.

— Называйте.

Она улыбнулась.

— Ужин.

Андрей замер. Совсем чуть-чуть. Теперь её очередь наслаждаться.

— Это приглашение?

— Нет.

— Что тогда?

— Стоимость переработки.

— Где?

— Я ещё не решила.

— Когда?

— Тоже.

— Вы любите усложнять.

— Вы сами пришли.

— Не жалею.

— Рано.

Он расплатился. Моника не спорила. Не потому что считала, что мужчина должен платить. Просто сегодня хотелось позволить. На улице было холодно. Они вышли вместе. Андрей надел пальто. Моника поправила шарф.

— Машина? — спросил он.

— Такси.

— Подвезти?

— Нет.

— Хорошо.

Она подняла бровь.

— Всё?

— А надо уговаривать?

— Нет.

— Тогда нет.

— Вы раздражающе удобный.

— Это временно.

— Вот теперь лучше.

Такси подъехало через четыре минуты. Моника уже открыла дверь, когда Андрей сказал:

— Моника.

Она повернулась.

— Да?

— Вчера вы отказали в ужине из-за Евы.

— Не только.

— Из-за чего ещё?

— Потому что слишком быстро.

— А сейчас?

Она посмотрела.

— Сейчас кофе длился два часа.

— Значит?

— Значит, статистика улучшилась.

Он не удержался от улыбки.

— Я напишу.

— Пишите.

Она села. И только когда машина отъехала, поняла, что сама разрешила. Ненавистно. Дома Моника первым делом сняла туфли. Потом открыла холодильник. Закрыла. Открыла чат с Андреем. Ничего. Прошло семнадцать минут. Она рассмеялась.

— Боже.

Положила телефон. Через минуту он завибрировал. «Спасибо за тридцать минут». Моника улыбнулась. Ответила: «Вы плохо считаете». «Мне понравилась переработка».

«Она оплачивается отдельно». «Ужином?» Моника смотрела. Потом написала: «Возможно». Он: «Тогда жду счёт». Она не ответила. Достаточно. На следующий день Андрей не писал до вечера. Моника работала. Созванивалась. Спорила. Убеждала клиента удалить фразу, которая гарантированно превратила бы локальный скандал в федеральный. В шесть двадцать пришло сообщение. «Ужин завтра?» Она посмотрела. На секунду появилось желание сразу написать «да». Именно поэтому ответила: «Не знаю». «Что мешает узнать?» «Опыт». «Плохой?»

«Разный». «Я могу сделать хороший». Слишком уверенно. Моника написала: «Опять продаёте себя». «Нет. Ужин». «Где?» Он прислал название ресторана. Небольшой. Без модной очереди. Без фотографий с селебрити. Моника знала место. Хорошая кухня. Тихо.

— Неплохо, — сказала она вслух.

Ответила: «Семь тридцать». Он: «Буду». Следом: «Один». Моника засмеялась. Вот за это плюс. В ресторане он снова пришёл раньше. Она снова на три минуты позже.

— Традиция? — спросил Андрей.

— Что?

— Три минуты.

— Проверяю терпение.

— И?

— Пока держитесь.

— Опять «пока».

— Заразили.

Они сели. Ужин начался легко. Слишком легко. Вино. Еда. Разговор. Они спорили о частной медицине, рекламе, деньгах, страхе старения и о том, почему люди охотнее верят плохой новости, чем хорошей. Андрей оказался смешнее, чем накануне. Не шутником. Просто умел увидеть смешное там, где Моника привыкла сразу искать слабое место. Она ловила себя на том, что смеётся. Не вежливо. Настояще. Это раздражало всё меньше. Телефон Андрея лежал экраном вниз. За два часа он ни разу не взял его. Потом экран загорелся. Он посмотрел. Лицо изменилось. Совсем немного. Но Моника уже умела замечать.

— Ева? — спросила она.

Андрей поднял глаза.

— Соня.

— Что случилось?

— Ничего. Спрашивает, можно ли остаться у подруги.

— И?

Он написал ответ. Положил телефон.

— Можно.

Моника смотрела.

— Всё?

— Всё.

— Вы не будете звонить Еве?

— Зачем?

— Проверить.

— Соня спросила меня.

— Хорошо.

Андрей улыбнулся.

— Вы тестируете?

— Всегда.

— И результаты?

— Не сообщаю до конца испытательного срока.

— Сколько он длится?

— Не знаю.

— Очень удобно.

— Для меня.

Они продолжили ужин. Ева больше не появлялась. Ни звонком. Ни сообщением. И это почему-то успокоило Моника сильнее, чем ей хотелось признать. После ресторана они шли пешком. До машины Андрея было два квартала. Моника могла вызвать такси. Не вызвала.

— Холодно? — спросил он.

— Нет.

— Врёте.

— Не настолько, чтобы принимать помощь.

— Я ещё не предложил.

— Предупреждаю.

Он едва заметно улыбнулся.

— Вы всё время защищаетесь заранее.

Моника остановилась.

— Что?

— Ничего.

— Нет. Договорите.

Андрей тоже остановился.

— Вы заранее решаете, где вас попытаются ограничить. И ставите границу до того, как кто-то подошёл.

Она почувствовала раздражение. Быстро.

— Вы психотерапевт?

— Нет.

— Тогда не надо.

— Хорошо.

Он пошёл дальше. Без оправданий. Без «я хотел как лучше». Моника догнала.

— И всё?

— Вы попросили не надо.

— Иногда вы слишком буквально понимаете.

— Тогда объясните.

Она замолчала. Потому что объяснять не хотелось. И потому что он был прав. Чуть-чуть. Что раздражало вдвойне.

— Забудьте.

— Уже.

Они дошли до машины. Андрей открыл дверь со своей стороны. Моника стояла рядом.

— Вы меня не подвезёте.

— Я помню.

— Хорошо.

Он посмотрел.

— Вы опять сказали.

— Это слово принадлежит языку, а не Александре.

— Тогда можно иногда.

— Иногда.

И вот тут возник тот момент, который оба заметили. Слишком близко. Слишком тихо. Никакой музыки. Никакого шампанского. Просто улица. Моника почувствовала, что он может её поцеловать. И поняла, что не отойдёт. Андрей не сделал этого. Он только сказал:

— Спокойной ночи, Моника.

Неожиданно. Она почти разозлилась.

— И всё?

Он улыбнулся.

— А вы ожидали продолжения?

— Нет.

— Хорошо.

Она посмотрела.

— Вы издеваетесь.

— Немного.

Моника не удержалась и рассмеялась.

— Спокойной ночи, Андрей.

Она вызвала такси. Он дождался, пока машина подъедет. Не открыл дверь. Не прикоснулся. Не сделал ничего из того, что мужчина обычно делает, когда хочет закрепить хороший вечер. Моника села. И всю дорогу домой думала именно об этом. Не о бывшей жене. Не о дочери. Не о фамилии. О том,

что он мог её поцеловать. И не поцеловал. На следующий день она сама написала первой. Всего два слова: «Кофе нормальный». Ответ пришёл через минуту. «А ужин?» Моника едва заметно улыбнулась. «Пока наблюдаем». «Это уже почти комплимент». Она не ответила. Но вечером, когда Линда спросила по телефону:

— Ну?

Моника сделала вид, что не понимает.

— Что?

— Кирсанов.

— Что Кирсанов?

— Ты пошла на кофе?

— Да.

— И?

— Потом был ужин.

— Моника.

— Что?

— Два дня назад ты сказала, что не участвуешь в семейных кастингах.

— И не участвую.

— А это что?

Моника подошла к окну. Город внизу был мокрым.

— Просто мужчина.

— С бывшей женой.

— У всех есть прошлое.

— И дочерью.

— Это не проблема.

— И фамилией бывшей жены.

— Они были женаты.

Линда рассмеялась.

— Ты уже защищаешь.

— Не начинай.

— Я молчу.

— Вот и правильно.

Линда стала серьёзной.

— Тебе он правда нравится?

Моника не ответила сразу.

— Да.

Сказать оказалось проще, чем ожидалось.

— Тогда будь осторожна.

— Я всегда.

— Вот это меня и пугает.

Моника коротко усмехнулась.

— Спокойной ночи, Линда.

— Спокойной.

Она отключилась. Телефон сразу завибрировал. Андрей.

«В субботу у Сони выставка. После свободен. Ужин?» Моника смотрела. Соня. Он сказал сразу. Не спрятал. Не написал «занят до восьми». Это понравилось. Она ответила: «После выставки?» «Да». «С Евой будете?» «Да». Тоже прямо. Моника смотрела на слово. Потом написала: «Тогда нет». Ответ пришёл не сразу. «Почему?»

Она подумала. И впервые решила не шутить. «Потому что я не хочу становиться продолжением вашего семейного вечера». Долго ничего. Потом: «Понял». Ещё через минуту: «Тогда воскресенье. Без Евы, Сони и семейного контекста». Моника не удержалась от улыбки. «Посмотрим». «Это не отказ». «Не обольщайтесь». «Поздно». Она положила телефон. Пока всё было просто. Андрей не скрывал прошлое. Она не делала вид, что прошлое не имеет значения. Он не требовал доверия заранее. Она не обещала его дать. Можно было попробовать. В тот момент Моника ещё не понимала одной вещи. Иногда мужчина может честно сказать, что бывшую жену больше не любит. И это будет абсолютной правдой.

Но любовь — далеко не единственная причина, по которой люди продолжают оставаться друг для друга первыми.

Глава 3. Моё правило

В воскресенье Андрей приехал за Моникой сам. Не предупредил. Точнее — предупредил ровно за десять минут. «Я внизу». Она посмотрела на сообщение, потом на зеркало.

— Наглый.

Телефон завибрировал. «Это не давление. Просто предложение логистики». В ответ Моника усмехнулась. Ответила: «А если я не хочу садиться в вашу машину?» «Вызову тебе такси». Она смотрела. Опять правильный ответ. Раздражающе правильный. Моника взяла пальто. На улице было холодно. Андрей стоял у машины и разговаривал по телефону. Увидев её, закончил разговор почти сразу.

— Добрый вечер.

— Ты решил, что мы уже на «ты»?

— В переписке ты первая начала.

— Я могла ошибиться.

— Можно вернуться.

— Уже поздно.

Он не удержался от улыбки.

— Значит, «ты».

— Пока.

— Опять.

— Привыкай.

Он открыл переднюю дверь. Моника остановилась.

— Я сама умею.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Мне нравится.

Она посмотрела.

— Что именно?

— Делать то, что не обязателен.

Фраза понравилась. Слишком. Она села. Машина тронулась.

— Куда?

— Есть одно место.

— Очень информативно.

— Ты же любишь ясность.

— Именно.

— Ресторан. Небольшой. Без музыки. Без открытой кухни. Без официанта, который каждые пять минут спрашивает, понравилась ли нам концепция шефа.

Моника повернулась.

— Ты подготовился.

— Я слушал.

— Опасно.

— Почему?

— Люди, которые слушают, потом знают слишком много.

— Это плохо?

— Иногда.

Он посмотрел на дорогу.

— Тогда буду дозировать.

— Ещё хуже.

Ресторан оказался в старом доме возле Патриарших. Без вывески на полфасада. Без очереди. Без людей, которые фотографировали еду раньше, чем пробовали. Моника одобрила. Не сказала. Андрей понял.

— Подходит?

— Пока.

— Уже достижение.

Они сели у окна. Официант принёс меню. Моника не открыла.

— Ты уже выбрал?

— Нет.

— Хорошо.

— Почему?

— Проверяю, не из тех ли ты мужчин, которые заранее знают, что женщина будет есть.

— Я только знаю, что ты не любишь слишком сладкое.

Она подняла глаза.

— Откуда?

— Десерт в пятницу не доела.

— Следишь?

— Замечаю.

— Ещё хуже.

Он едва заметно улыбнулся.

— Тебе нравится говорить «хуже», когда на самом деле

нравится?

Моника замерла.

— Нет.

— Сейчас понравилось.

— Не увлекайся.

— Момент упущен.

Они заказали. Разговор сначала был лёгким. Работа. Люди. Медицина. PR. Скандалы. Андрей рассказывал про пациента, который однажды устроил скандал в холле клиники из-за того, что его жена узнала результаты анализов раньше него. Моника:

— И кто был неправ?

— Все.

— Хороший ответ.

— Я учусь.

— Быстро.

— Есть мотивация.

Она посмотрела.

— Только не начинай.

— Даже не думал.

Моника сделала глоток воды. Сегодня он не пил вообще. Она заметила.

— Почему без вина?

— Я за рулём.

— В прошлый раз тоже был.

— В прошлый раз не был.

— Ты это помнишь?

— Конечно.

— Очень опасный человек.

— Ты говоришь это третий раз.

— Потому что подтверждается.

Еду принесли быстро. Они ели. Моника поймала себя на том, что молчит и ей комфортно. Вот это было редкостью. Обычно тишина рядом с мужчиной требовала усилий. Нужно было либо поддерживать разговор, либо объяснять, почему молчишь. С Андреем — нет. Он не заполнял паузу. Не спрашивал: «О чём думаешь?» Не лез в голову. Просто ел.

— Ты всегда такой? — спросила Моника.

— Какой?

— Не мешаешь молчать.

— А надо?

— Большинство считает, что пауза — проблема.

— Я работаю с врачами. Они любят паузы.

— Почему?

— После паузы люди говорят самое важное.

На лице Моника появилась улыбка.

— Вот теперь ты пытаешься меня вывести на откровенность.

— Нет.

— Врёшь.

— Немного.

— Наконец-то.

Он усмехнулся.

— Тогда честно: да. Мне интересно, что ты не говоришь.

— Много.

— Это я понял.

— И тебя не раздражает?

— Пока нет.

— Опять «пока».

— Заразился.

Они оба улыбнулись. В какой-то момент Андрей сказал:

— Ты вчера отказалась из-за семейного контекста.

Моника сразу поняла, куда разговор идёт.

— Да.

— Хочу понять.

— Что именно?

— Где у тебя граница.

Она отложила вилку.

— Быстро.

— Мы уже третий раз встречаемся.

— Это ничего не значит.

— Для тебя?

— Пока нет.

Он кивнул.

— Тогда именно поэтому и спрашиваю.

Моника посмотрела на него.

— Хорошо.

— Можно?

— Можно.

— Что для тебя неприемлемо в моей ситуации?

Прямо. Без «ты ревнуешь?» Без «ты не доверяешь?»

Неплохо.

— Ты хочешь список?

— Если есть.

— Есть.

На его лице мелькнула улыбка.

— Конечно.

— Во-первых, я не конкурирую с детьми.

— Это нормально.

— Для тебя.

— Для всех должно быть.

— Не должно.

Он задумался.

— Справедливо.

— Во-вторых, я не участвую в войне с бывшей.

— Я не предлагаю.

— Пока.

Он коротко усмехнулся.

— Хорошо.

Она посмотрела.

— Ты специально?

— Нет.

— Ладно.

Продолжила:

— В-третьих, если у тебя есть незавершённые отношения, я в них не вхожу.

Андрей стал серьёзнее.

— У меня нет незавершённых отношений.

— Это тебе кажется.

— Почему?

— Потому что вчера ты ушёл вместе с Евой.

— Из-за Сони.

— Я знаю.

— Тогда?

— Тогда ничего.

— Моника.

Она вздохнула.

— Я не говорю, что между вами роман.

— Его нет.

— Я верю.

Он удивился.

— Быстро.

— Не обольщайся.

— Уже.

— Я говорю о другом. Есть женщины, с которыми мужчина спит. Есть женщины, которых любит. Есть женщины, которым звонит, когда плохо. Есть женщины, рядом с которыми автоматически принимает решения.

Андрей молчал.

— И иногда всё это разные женщины.

— Ты думаешь, Ева для меня одна из них?

— Пока не знаю.

— А ты?

Моника едва заметно улыбнулась.

— Мы знакомы три дня.

— Это не ответ.

— Очень даже.

— Хорошо.

Она подняла бровь.

— Ты рискуешь.

— Понял.

Они снова ели. Через несколько минут Андрей спросил:

— А четвёртый пункт?

Моника посмотрела внимательнее.

— Есть.

— Конечно.

— Я не бываю второй.

Он не улыбнулся. Не пошутил. Просто спросил:

— Что это значит?

Моника откинулась на спинку стула. Тот момент. Она не собиралась превращать его в декларацию. Но теперь уже не отступать.

— Это значит, что я не выясняю, кому ты позвонишь первым.

— При чём тут звонки?

— Ни при чём.

— Тогда?

— Я не проверяю, с кем ты проведёшь праздник. Не спрашиваю, чьи планы важнее. Не хочу выигрывать у другой женщины.

— А если речь о дочери?

— Ты опять смешиваешь.

— Нет.

— Да.

Она стала серьёзной.

— Соня — не соперница. Никогда.

— Хорошо.

— Ева — тоже не обязана быть.

— Она и не будет.

— Не обещай.

Андрей посмотрел.

— Почему?

— Потому что ты пока не знаешь, что для тебя нормально.

— В смысле?

— Ты три года разведен. Но вчера вы пришли вместе, ушли вместе, говорили так, будто всё давно отлажено.

— Мы родители.

— Да.

— И?

— Ничего.

— Ты делаешь выводы.

— Я смотрю.

— Разница?

— Огромная.

Он молчал. Моника продолжила:

— Я не буду просить мужчину доказать, что я первая.

— Почему?

Она ответила сразу:

— Потому что если это нужно доказывать, я уже вторая.

Фраза прозвучала спокойно. Без театра. Именно поэтому сильнее. Андрей смотрел на неё. Долго.

— Это правило?

— Да.

— Жёсткое.

— Рабочее.

— Всегда?

Моника едва заметно усмехнулась.

— Ты хочешь найти исключение?

— Хочу понять.

— Это одно и то же.

— Не всегда.

— Хорошо.

Он посмотрел. Она поймала себя.

— Давай без этого.

Он не удержался от улыбки.

— Продолжай.

— Мне не нужен мужчина, который каждый раз будет выбирать меня.

— Странно звучит после твоего правила.

— Нет.

— Объясни.

— Если мужчина должен постоянно выбирать между двумя женщинами, проблема уже возникла.

Андрей задумался.

— А если ситуации разные?

— Тогда никто не второй.

— Например?

— Если твоя дочь заболела, ты едешь к дочери.

— Естественно.

— Если Еве нужна помощь как матери твоего ребёнка — помогаешь.

— Да.

— Если у неё сломалась машина в три часа ночи?

В ответ он усмехнулся.

— Уже интереснее.

— Вот.

— И что делать?

— Не знаю.

— Но оценишь?

— Обязательно.

Он рассмеялся.

— Ужас.

— Я предупреждала.

— Да.

— А если тебе нужна помощь в три часа ночи?

Моника на секунду всмотрелась.

— Я вызову службу.

— Очень романтично.

— Очень эффективно.

— Не верю.

— Почему?

— Потому что ты бы позвонила человеку, которому доверяешь.

Она замолчала.

— Возможно.

— И если это буду я?

— Тогда посмотрим.

— Опять «пока».

— Нет. «Посмотрим».

— Ещё хуже.

Она улыбнулась. Он начал говорить её словами. Это было приятно. И опасно. После ужина они пошли пешком. Моника не спешила домой. Андрей тоже. На улице было тихо. Холодно. Свет от витрин ложился на мокрый асфальт.

— Ты всегда такая? — спросил он.

— Ты уже спрашивал.

— Нет. Я про правила.

— А что с ними?

— Ты их говоришь заранее.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы потом никто не говорил, что не знал.

— Удобно.

— Очень.

— И если человек нарушит?

— Уйду.

— Сразу?

— Зависит.

— От чего?

— От того, правило нарушил или доверие.

Он посмотрел.

— Это разное?

— Конечно.

— Объясни.

— Правило можно нарушить случайно. Доверие — почти никогда.

Андрей кивнул.

— С этим согласен.

— Быстро.

— Потому что правда.

Они дошли до перекрёстка. Моника остановилась.

— Мне сюда.

— Подвезти?

— Нет.

— Хорошо.

Она улыбнулась.

— Уже можно.

— Прогресс.

Он стоял рядом. Снова возникла пауза. Та самая. Моника знала. Он тоже. Андрей не двигался.

— Ты опять не будешь меня целовать? — спросила она.

Он поднял бровь.

— Это претензия?

— Наблюдение.

— А ты хочешь?

Прямо. Моника почувствовала, как внутри что-то тёплое и опасное поднялось слишком быстро.

— Возможно.

— Слишком неясно.

— Ты же любишь ясность.

— Ты любишь.

— И ты учишься.

Он сделал шаг ближе. Не касался.

— Моника.

— Что?

— Я не хочу угадывать.

Она смотрела. Тоже правило. Не её. Его.

— Хорошо.

Он улыбнулся.

— Можно?

Она молчала секунду. Потом сказала:

— Можно.

Он поцеловал. Не слишком осторожно. Не слишком уверенно. Правильно. Моника почувствовала, как её рука сама легла ему на плечо. Поцелуй был коротким. Первым. Он отстранился раньше. Она посмотрела.

— Всё?

— Пока.

Она рассмеялась.

— Вот теперь ты точно заражён.

— Боюсь, уже поздно.

Моника почувствовала, что улыбается. Не хотела скрывать. Пусть.

— Спокойной ночи.

— Спокойной.

Она уже пошла, когда Андрей сказал:

— Моника.

Она обернулась.

— Что?

— Я услышал твоё правило.

Она стала серьёзной.

— Хорошо.

На его лице мелькнула улыбка.

— Теперь специально.

— И?

— Не обещаю, что всегда буду понимать его так же, как ты.

— Честно.

— Но если пойму, что делаю тебя второй, скажу.

Моника посмотрела.

— Это слабое обещание.

— Зато выполнимое.

Она кивнула.

— Лучше.

Домой она шла пешком. Не вызвала машину. Хотелось холода. Голова работала слишком быстро. Поцелуй. Разговор. Ева. Соня. Правило. Она знала, что некоторые вещи нельзя предусмотреть. И знала, что именно поэтому создаёт правила. Чтобы хотя бы не потерять себя, когда всё пойдёт не по плану. Телефон завибрировал. Андрей. «Дошла?» Моника коротко усмехнулась. «Иду». «Напиши». Она остановилась. Написала: «Это контроль?»

«Это просьба». Снова разница. Моника: «Хорошо». Он: «Ты сказала». Она: «Не рассчитывай на это». Он: «Поздно». Она улыбнулась и убрала телефон. Через десять минут написала: «Дома». Ответ: «Спокойной ночи». Без сердечек. Без намёков. Без второй волны флирта. Она поставила телефон на зарядку. Потом увидела пропущенный звонок от Линды. Перезвонила.

— Ну?

— Что «ну»?

— Воскресенье.

— Ты следишь?

— Конечно.

— Был ужин.

— И?

Моника сняла серьги.

— Нормально.

Линда засмеялась.

— Значит, понравилось.

— Почему?

— «Нормально» у тебя означает «очень».

— Ничего подобного.

— Поцеловались?

Моника замолчала.

— Моника.

— Да.

— О.

— Не делай из этого событие.

— Я ничего.

— Именно.

Линда стала серьёзнее.

— Ты аккуратно.

— Я всегда.

— Нет.

— Что нет?

— Ты всегда контролируешь. Это не одно и то же.

Моника посмотрела в зеркало.

— Философ.

— Я старая.

— Ненамного старше.

— Достаточно.

— Спокойной ночи.

— Спокойной.

Она отключилась. Долго смотрела на своё отражение. «Я никогда не бываю второй». Правило звучало уверенно. Надёжно. Почти красиво. Моника ещё не знала, что самая сложная проверка будет не тогда, когда Андрей выберет другую женщину. А тогда, когда он вообще не поймёт, что уже сделал выбор.

Глава 4. Ева

Моника встретила Еву Кирсанову там, где меньше всего ожидала. В аптеке. Не на благотворительном вечере. Не в ресторане. Не возле Андрея. В обычной аптеке на Садовом, куда Моника зашла за пластырем после того, как новые туфли за двадцать минут доказали, что красота действительно требует жертв и желательно чужих. Она стояла у кассы, когда услышала:

— Моника?

Голос был знакомый. Спокойный. Моника обернулась. Ева. Без вечернего платья. Без идеальной укладки. В светлом пальто, с собранными волосами и бумажным пакетом в руке. От этого она выглядела не менее красивой. Просто реальной.

— Добрый вечер.

— Добрый.

Две женщины смотрели друг на друга. Ни одна не улыбалась слишком широко. Это Монике понравилось.

— Не ожидала вас здесь увидеть, — сказала Ева.

— Я тоже.

— У вас всё хорошо?

Моника посмотрела на пластырь.

— Трагедия национального масштаба.

Ева увидела туфли. Улыбнулась.

— Понимаю.

— Сомневаюсь.

— У меня была пара почти такая же.

— И?

— Продала после второго выхода.

— Умная женщина.

— Иногда.

Кассир протянула чек. Моника убрала покупку в сумку. Можно было попрощаться. Самый разумный вариант. Но Ева сказала:

— Кофе?

Моника посмотрела внимательнее.

— Сейчас?

— Если не спешите.

— А вы?

— Уже нет.

Она подняла пакет.

— Соня простыла. Всё купила.

— Серьёзно?

— Нет. Температура тридцать семь и два. Для неё это повод написать завещание.

Моника улыбнулась.

— Пятнадцать.

— Именно.

Соня. Живая. Не абстрактная дочь.

— Кофе, — повторила Ева.

— Хорошо.

Они зашли в маленькое кафе рядом. Ева выбрала столик у стены. Моника заметила. Не у окна. Не на виду. Интересно.

— Вы всегда выбираете угол? — спросила она.

Ева подняла глаза.

— Вы всегда анализируете место?

— Профессия.

— Тогда да.

— Почему?

— Не люблю сидеть спиной к залу.

Моника усмехнулась.

— Уже нравится.

— Это опасно?

— Пока нет.

Официант подошёл. Ева заказала американо. Моника — эспрессо. Без сахара. Ева заметила. Ничего не сказала. Вот за это ещё плюс. Несколько секунд они молчали. Моника ждала. Если Ева пригласила — пусть начинает. Та не торопилась.

— Андрей сказал, что вы виделись.

— Быстро.

— Что именно?

— Отчётность.

Ева улыбнулась.

— Мы много говорим.

— Я заметила.

— Это проблема?

Моника на секунду всмотрелась.

— Пока нет.

— Он тоже так говорит.

Неприятно. Очень слегка. Моника не показала.

— Что именно?

— «Пока».

— Значит, быстро заражается.

— Он всегда подхватывает чужие слова, если человек ему интересен.

Второй укол. Также спокойный. Без ревности. Без нападения. Это было сложнее.

— Вы хорошо его знаете.

— Пятнадцать лет брака.

— И три после.

— Да.

Моника сделала глоток воды. Кофе ещё не принесли.

— Вы хотели со мной поговорить?

Ева не стала делать вид, что удивлена.

— Да.

— О чём?

— Не знаю.

Моника подняла бровь.

— Честно.

— Я стараюсь.

— Андрей тоже.

— Иногда.

Они обе улыбнулись. Слишком похоже. Моника почувствовала раздражение. Не к Еве. К совпадению. Кофе принесли. Ева взяла чашку.

— Я не собираюсь вас предупреждать, что Андрей сложный мужчина.

— Жаль. Было бы традиционно.

— И не буду говорить, что вы не понимаете, во что ввязываетесь.

— Ещё хуже.

— Потому что вы всё равно ввяжетесь, если захотите.

Моника задержала взгляд.

— Уже решили?

— Нет.

— Тогда?

— Я вижу, что вы ему нравитесь.

— Он сказал?

— Нет.

— Откуда?

Ева улыбнулась.

— Пятнадцать лет брака.

— Опять.

— Очень полезный срок.

Моника откинулась.

— Вам это не нравится?

Ева задумалась.

— Станный вопрос.

— Прямой.

— Тогда прямой ответ: мне неприятно.

Моника не ожидала. Не потому что женщина должна была соврать. Потому что Ева сказала без пафоса.

— Почему?

— Потому что я не робот.

— Вы хотите его вернуть?

Ева отпила кофе.

— Иногда.

Ещё одна честность. Моника почувствовала, что разговор становится интереснее.

— А он?

— Нет.

— Уверены?

— Да.

— Почему?

— Потому что если Андрей решает уйти эмоционально, он не возвращается.

— Но вы развелись не вчера.

— Именно.

— Тогда почему «иногда»?

Ева посмотрела на чашку.

— Потому что есть дни, когда я скучаю не по мужчине.

— А по чему?

— По системе.

Моника молчала.

— По дому, где все знают, кто во сколько просыпается. По воскресеньям. По его кофе. По тому, что не надо объяснять, где лежат документы. По человеку, который знает, что ты ненавидишь октябрь.

Она улыбнулась.

— Очень романтично.

— Нет.

— Именно поэтому честно.

Моника кивнула.

— И это не желание вернуть брак?

— Иногда люди путают привычку к близости с желанием вернуть отношения.

— Вы не путаете?

Ева посмотрела.

— Уже нет.

Моника почувствовала, как напряжение уменьшается. И одновременно растёт другое. Ева не была соперницей в привычном смысле. Это было хуже. С нормальной женщиной невозможно красиво воевать.

— Андрей хороший мужчина, — сказала Ева.

На лице Моника появилась улыбка.

— Очень щедро от бывшей жены.

— Это не комплимент.

— Предупреждение.

Фраза прозвучала именно так, как должна была. Спокойно. Без угрозы. Моника поставила чашку.

— Объясните.

Ева посмотрела в окно.

— Он хороший мужчина, потому что всегда считает, что должен.

— Кому?

— Всем.

— Это плохо?

— Иногда.

— Конкретнее.

Ева усмехнулась.

— Вы действительно в PR.

— Да.

— Хорошо.

Она задумалась.

— Если Соня звонит, Андрей едет.

— Нормально.

— Если я звоню, он тоже часто едет.

— Почему?

— Потому что считает, что обязан.

— Даже после развода?

— Особенно после.

Моника молчала. Ева продолжила:

— Если у меня проблема с машиной, документами, клиникой, налогами, сотрудниками — он включается раньше, чем я успеваю решить сама.

— Вы просите?

— Иногда.

— Часто?

— Раньше часто.

— Сейчас?

— Почти нет.

— Но он всё равно помогает.

— Да.

— Почему вы не остановите?

Ева улыбнулась.

— Я пыталась.

— И?

— Он говорит: «Мне проще сделать».

Моника медленно кивнула. Знакомый тип. Не человек, который спрашивает, нужна ли помощь. Человек, который считает помощь обязанностью.

— И вы этим пользуетесь?

Ева посмотрела прямо.

— Иногда.

Честно.

— Почему?

— Потому что удобно.

Моника едва заметно усмехнулась.

— Наконец-то.

— Что?

— Нормальная человеческая слабость.

— А вы ожидали святую?

— Нет.

— Правильно.

Они обе улыбнулись. Моника спросила:

— Зачем вы мне это говорите?

Главный вопрос. Ева ответила не сразу.

— Потому что если между вами что-то начнётся, вы это всё равно увидите.

— И?

— Лучше понимать, что это не попытка вернуть его.

— А что?

Ева посмотрела.

— Его способ жить.

Слишком просто.

— Он всегда так?

— Почти.

— Со всеми?

— Нет.

— С вами.

— И с Соней.

— Соня — дочь.

— Да.

— Это другое.

Ева кивнула.

— Для него не всегда.

Моника почувствовала холод.

— Что значит?

— Андрей плохо различает любовь, долг и вину.

— Вину?

Ева замерла. Очень коротко. Но Моника заметила.

— За что?

— Это уже не моя история.

— Вы начали.

— Да.

— И остановились.

— Да.

Моника коротко усмехнулась.

— Ненавижу такое.

— Понимаю.

— Андрей рассказывал про развод?

— Насколько?

— «Перестали быть мужем и женой раньше, чем подписали бумаги».

Ева рассмеялась.

— Очень по-андреевски.

— В смысле?

— Правда, в которой отсутствует главное.

Моника почувствовала интерес.

— И главное?

Ева подняла чашку.

— Не сегодня.

— Вы сговорились.

— Нет.

— Он сказал то же.

— Тогда, возможно, причина есть.

Моника смотрела.

— Вы хотите, чтобы я спрашивала его?

— Да.

— Почему сами не скажете?

— Потому что это должно быть между вами.

— Очень благородно.

— Нет.

Ева улыбнулась.

— Просто я однажды уже рассказала за него то, что он должен был сказать сам. Больше не хочу.

Ещё одна дверца. Ещё одна закрытая. Моника почувствовала знакомое раздражение. Но не стала давить.

— Хорошо.

— Вы сказали.

— Только не делай привычкойте.

— Уже поздно.

Обе замерли. Потом рассмеялись.

— Он правда заражает, — сказала Моника.

— Очень.

Опять связь. Опять общая территория. Моника поймала себя на странном ощущении. Не ревность. Скорее понимание, насколько глубокая у них общая жизнь. Пятнадцать лет. Дочь. Бизнес. Слова. Интонации. Шутки. Привычки. И три года развода не стирают язык, который люди создавали пол-

жизни.

— Вы всё ещё работаете вместе? — спросила Моника.

— Да.

— В клиниках?

— Я совладелец.

— Андрей не говорил.

— Не успел.

— Или не хотел.

— Возможно.

Ещё один факт.

— Как устроено?

— Я отвечаю за часть административного блока и благотворительные проекты.

— То есть вы видите часто.

— Да.

— Насколько?

— Несколько раз в неделю.

— И ужины?

— Нет.

— Семейные?

— Иногда с Соней.

— Праздники?

Ева улыбнулась.

— Вы всё-таки проверяете.

— Конечно.

— Новый год вместе.

Моника почувствовала неприятное движение внутри.

— Почему?

— Соня.

— День рождения?

— Сони — вместе. Наши — нет.

— Отпуска?

— Нет.

— Хорошо.

Ева подняла бровь.

— Вы сказали.

— Иногда можно.

— Андрей говорил то же.

Моника посмотрела внимательнее.

— Вы специально?

— Немного.

Ева оказалась смешнее, чем ожидалось. Это совсем не помогло.

— Вы ревнуете? — спросила Ева.

Прямо. Моника едва заметно улыбнулась.

— Пока нет.

— Честно?

— Да.

— Это изменится.

Моника стала серьёзной.

— Почему?

— Не потому что у нас что-то есть.

— Тогда?

Ева посмотрела.

— Потому что Андрей очень хорошо умеет быть рядом, когда считает, что обязан.

— И?

— Иногда женщина рядом с ним начинает думать, что именно это и есть любовь.

Моника молчала. Не угроза. Не предупреждение «не лезь к моему бывшему». Что-то сложнее.

— А вы думали?

Ева ответила:

— Да.

— И ошиблись?

— Иногда.

— А иногда нет.

Это было хуже любой однозначности. Моника посмотрела на часы. Прошло почти сорок минут.

— Соня ждёт лекарства.

Ева тоже посмотрела.

— Точно.

Она встала. Моника тоже. У выхода Ева сказала:

— Я надеюсь, вы не решите, что я пыталась вас отпугнуть.

— Не решили.

— Правда?

— Если бы хотели, сказали бы что-нибудь проще.

Ева улыбнулась.

— Например?

— «Он всё ещё любит меня».

— А он не любит.

— Я поняла.

— Хорошо.

Моника прищурилась. Ева рассмеялась.

— Простите.

— Уже поздно.

Они вышли. На улице было холодно. Ева остановилась.

— Моника.

— Да?

— Андрей хороший мужчина.

— Мы уже обсуждали.

— Именно.

Ева стала серьёзной.

— Иногда хорошие мужчины причиняют больше боли, чем плохие.

Моника смотрела.

— Почему?

— От плохих уходят быстро.

И ушла. Просто села в машину и уехала. Моника осталась на тротуаре. Пластырь всё ещё лежал в сумке. Туфли всё ещё натирали. Но теперь она почти не замечала. Телефон завибрировал. Андрей. «Как день?» Моника смотрела. Можно было написать: «Пила кофе с твоей бывшей женой». Можно не писать. Она выбрала первое. «Интересно. Позна-

комилась с Евой ближе». Ответ пришёл почти сразу. «Где?» «Случайно». «И?» Моника не удержалась от улыбки. Вот теперь он нервничает. «Хорошая женщина». Долго ничего. Потом: «Да». Слишком быстро. Моника почувствовала укол. Не ревность. Пока нет. «Она сказала, что ты хороший мужчина». Ответ: «Это звучит опасно». Моника тихо рассмеялась. «Именно». «Что ещё?» Он хотел знать.

— Интересно, — сказала Моника вслух.

Написала: «Что хорошие мужчины иногда причиняют больше боли, чем плохие». Три точки появились сразу. Исчезли. Снова появились. Потом: «Похоже на Еву». Моника остановилась. Не «она неправа». Не «не слушай». Не «мы давно развелись». Просто: «Похоже на Еву». Она написала: «Ты не спросишь, почему она так сказала?» Ответ: «Я знаю почему». Моника почувствовала, как холод становится внутренним. Не страх. Интерес. Очень опасный. «Расскажешь?» Дольше. «Да. Но не сообщением». Наконец-то. На лице Моника появилась улыбка. «Когда?» «Завтра». Она смотрела. Хотела написать «где». Не успела. Следом: «И Моника». «Что?»

«Не делай выводов раньше разговора». Плохая фраза. Очень. Она медленно написала: «Не говори мне, что делать с выводами». «Справедливо». Она усмехнулась. Хотя бы учится. Домой Моника приехала поздно. Сняла туфли. Наклеила пластырь. Потом села на край кровати. В голове крутились фразы Евы. «Он хороший мужчина». «Это пре-

дупреждение». «Он плохо различает любовь, долг и вину». «Иногда хорошие мужчины причиняют больше боли, чем плохие». Моника не боялась бывших жён. Не боялась красивых женщин. Не боялась общей истории. С этим можно было работать. Гораздо хуже было другое. Ева не выглядела женщиной, которая пытается вернуть Андрея. Она выглядела женщиной, которая уже знала, где он сломается.

И это Монике не понравилось больше всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.